

УДК 130.2

ДИХОТОМИЯ «НАСИЛИЕ – НЕНАСИЛИЕ»: РОССИЙСКИЙ КУЛЬТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ

THE DICHOTOMY OF «VIOLENCE – NONVIOLENCE»: THE RUSSIAN CULTURAL, POLITICAL AND RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL CONTEXT

**К.Е. Мюльгаупт
К.Е. Mulhaupt**

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: wrist812@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается российский культурный, политический и религиозно-философский контекст дихотомии «насилие-ненасилие». Самый поверхностный взгляд на современное состояние человечества показывает нарастание насилия в современном мире. Террор и войны, революции и политические перевороты, казалось бы, обрекают простого, «маленького» человека либо на пассивное участие в насилии, либо на столь же пассивное сопротивление ненасилием.

Resume. The article considers the russian cultural, political and religious-philosophical context of the dichotomy of violence and nonviolence. Terror and wars, revolutions and political coups seem to doom a simple, "little" man either to passive involvement in violence, or to as well passive resistance by non-violence.

Ключевые слова: учение о непротавлении злу насилием, критика толстовства, насилие, ненасилие.

Key words: the doctrine of non-resistance to evil by violence, criticism of tolstoism, violence, non-violence.

Мы сейчас много спорим об «исламском терроризме», забывая, что первыми «систематическими» террористами (если не считать французского «революционного террора», это террор государственный, почти легитимный, и отдельных политических убийств во Франции эпохи реставрации, начала XIX в.) были именно «русские мальчишки» – русские нигилисты и революционеры-народники, анархисты и эсеры, большевики и т.д.

Никто почти не обратил внимание, что сборники «Вехи» и «Из глубины», а также вся полемика вокруг них, делящаяся до сих пор, внутренне и была построена вокруг дихотомии «насилие – ненасилие»: «личностное» самосовершенствование и «нравственный стоицизм» VS революционное насилие. Л.Н. Толстой здесь был нравственным арбитром и религиозно-философским контекстом! Тогда и становится понятной вся последующая полемика вокруг книги И.А. Ильина «Сопротивление злу силою».

Важным для нашего исследования является взгляды Л.Н. Толстого на анархизм, изложенные в его учении о праве, государстве и собственности. Здесь особое значение имеют сочинения Л.Н. Толстого: «Исповедь» (1879 г.), «Краткое изложение Евангелия» (1880 г.), «В чем моя вера» (1884 г.), «О жизни» (1885 г.), «О жизни» (1887 г.), «Царство Божие внутри нас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» (1893 г.).

Анархизмом Л.Н. Толстой называет учение, которое ставит себе целью достижение жизни освобожденной от правительства, путем насилия [1: 192]. На основании заповеди непротавления злу насилием, Л.Н. Толстой отвергает всякие нормы, которые основаны на воле людей, поддерживаются насилием и в особенности судами, которые могут отклониться от нравственного закона, могут быть различными в разных странах и которые всегда могут быть произвольно изменены. «Что же такое закон, определяющий всю жизнь людей? Верят ли люди в этот закон? Считают ли его истинным? Нисколько. <...> Но ведь мы знаем, как делаются законы, мы все были за кулисами, мы все знаем, что законы суть произведения корысти, обмана, борьбы партий, – что в них нет и не может быть истинной справедливости» [2: 264-265]. Право «поддерживается силою»; с другой стороны, оно мешает людям совершать насилие друг над другом; может быть, было время, когда первое насилие было меньше второго. Право нарушает заповедь непротавления злу насилием. Слова Иисуса Христа «не судите и не судимы будете» (Мф. VII, 1) и «не осуждайте и не будете осуждены» (Лук. VI, 37) значат: «не только не судите ближнего на словах, но и осуждайте на деле»;

не судите ближних своими человеческими учреждениями - судами» [1: 202-203]. Итак, Л.Н. Толстой приходит к выводу о том, что истинная христианская любовь повелевает, чтобы вместо права она сама стала законом для людей. Люди должны руководствоваться не правом, а заповедями Христа.

Отрицая право, Л.Н. Толстой неизбежно должен был вместе с ним отрицать и государство как правовое учреждение. Что стало предметом острой критики учения о непротивлении со стороны И.А. Ильина. В работе «Царство Божие внутри нас, или Христианство не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание» Л.Н. Толстой пишет: «Если и было время, что при известном низком уровне нравственности и при всеобщем расположении людей к насилию друг над другом существование власти, ограничивающей эти насилия, было выгодно, т.е. что насилие государственное было меньше насилия личностей друг над другом, то нельзя не видеть того, что такое преимущество государственности над отсутствием ее не могло быть постоянно. Чем более уменьшалось стремление к насилию, тем преимущество это становилось все меньше и меньше. В этом изменении отношения между нравственным развитием масс и развращенностью правительств и состоит вся история последних двух тысячелетий» [1: 207]. «Я не могу доказать ни безусловной необходимости, ни безусловного вреда государства» [1: 207]. «Знаю только то, что, с одной стороны, мне не нужно более государства, с другой – я не могу совершать те дела, которые нужны для существования государства» [1: 207]. «Христианство в его истинном значении разрушает государство», оно разрушает всякое правительство [1: 207].

Важным моментом является критика «Вех» представителями левых направлений в политике (от эсеров до кадетов), для которых характерным было острое неприятие позиции, в которой содержались хоть какие-то элементы «примирения с действительностью», не зависимо от того насколько эта позиция была адекватна содержанию «Вех».

Тема дихотомии «насилие - ненасилие» прослеживается в диалогах героев произведений лидера эсеров Б.В. Савенкова (вошел в русскую литературу под псевдонимом В. Ропшин) «Воспоминания террориста», «Конь бледный», «Конь вороной», в которых автором были подняты этические проблемы, связанные с революционным террором и революционным насилием. Тема насилия развернута в прозе Б.В. Савенкова опирается на факты реальной биографии автора. Проблема нравственного выбора между насилием и ненасилием является ключевой для главных героев произведений Б.В. Савенкова. Эти соображения могут послужить отправной точкой для нижеследующих наблюдений над темой насилия и самопожертвования ради преодоления онтологического раздвоения человека во имя политических и религиозных идей.

В произведении Б.В. Савенкова «Конь бледный» прослеживается апокалиптическая направленность. Дневник главного героя произведения содержит множество ссылок на Откровения Иоанна Богослова. «...И вот, конь бледный и на нём всадник, которому имя смерть; и ад следовал за ним...»; «И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри. И я взглянул, и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертой частью земли - умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными» (Откровения Иоанна Богослова 6:8).

Само словосочетание «конь бледный», использованное автором в названии его произведения, указывает читателю на то, о чём оно, его смысл. «Бледный конь» - это один из четырех всадников Апокалипсиса упоминающихся в Откровении Иоанна Богослова. В 6-ой главе Откровения Христос (Агнец) раскрывает семь печатей Книги Жизни (7 печатей, 7 труб и 7 чаш Божиего гнева). Разрушение каждой печати приближает Апокалипсис. Четыре всадника - первые четыре печати. Каждый из всадников олицетворяет Чуму (едет на белом коне), Войну (едет на рыжем коне), Голод (на вороном коне) и Смерть (на бледном коне).

Особое внимание следует обратить на то, что в названии повести упоминается не «Всадник на бледном коне», а «Конь бледный». Ведь всадник – это только исполнитель деяний, а конь - несущая сила, стихия, олицетворяющая зло. В данном случае на бледном коне сидел всадник по имени «Смерть».

Эпиграфом к повести послужил отрывок из Первого послания Иоанна: «...Кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идёт, потому что тьма ослепила ему глаза» (Первое послание Иоанна 2:11). В данной проповеди идет речь об одной из главных идей христианства - о любви к ближнему своему. Лейтмотивом проповеди любви к ближнему является предупреждение для тех, кто хранит в своей душе зло к другому человеку. Злой душе не может быть дарована благодать Божья.

В записях убежденного террориста Жоржа есть строки: «я дам тебе утреннюю звезду» (Откровение 2:26-29). «Утренняя звезда» - солнце, светило. Есть две трактовки: дать следующий день, жизнь и просветить, озарить разум, дать знание.

4) Откровение Иоанна Богослова 16:4 (записи Ж.): «Третий ангел вылил чашу свою в реки и источники вод, и сделалась кровь».

Глава 16 Апокалипсиса повествует о том, как гнев Божий прольётся на землю и уничтожит то, что им было сотворено. Жорж рассуждает о том, что он убивал, убивает и будет убивать, а знает ему одна дорога - с этой смертью в могилу: «кровь водой не зальёшь».

5) Откровение Иоанна Богослова 9:6 (Ваня): *«В те дни люди будут искать смерти, но не найдут её, пожелают умереть, но смерть убежит от них».*

Предсказание о том, что люди, потерявшие связь с Богом, не видящие смысла жизни, начнут сами лишать себя её. Но согласно вере это самый большой грех. Душа самоубийцы между раем и адом. Ваня говорит Жоржу: «будет день, вспомнишь эти слова; будешь искать конца, не найдёшь». Это становится предсказанием конца истории Жоржа.

6) Откровение Иоанна Богослова 5:43 (Ваня): *«Я пришёл во имя Отца Моего, и не принимает Меня: а если иной придет во имя свое, его примете».* Говорит Ваня Жоржу, когда он сам чуть «не позволил себе» спланировать нападение внутри дома, подвергнув этим много людей смертельной опасности.

Нельзя не отметить философскую направленность произведения. Жорж поднимает такие вопросы как:

1) «Почему было больно, когда он (заяц) кричал? Почему не было больно, что я для забавы убил его?»

2) Спор о том, что изначально: наука или Бог? - «Вот Генрих не скажет «цветок», говорит «семьи такой-то, вида такого-то»; за этим сором он цветка не увидел. Так Бога за сором не видим».

3) Нужно ли бояться Смердякова? И почему такие как он не имеют право на существование?

4) В чём преступление, если я целую Елену? В чём моя вина, если я не хочу больше Эрны? Я не нахожу ответа.

5) «Говорят, нужно любить человека. А если нет любви? Говорят, нужно уважать человека. А если нет уважения?»

6) «Почему любовь даёт не радость, а муку?»

7) «Я захотел и убил. Кто судья? Кто осудит меня? Кто оправдает? Почему для идеи бить - хорошо, для отечества - нужно, для себя - невозможно?»

8) «Жизнь - театр марионеток.... Сегодня на сцене я, Фёдор, Ваня, губернатор. Завтра ташат меня.... Вертится скучная карусель.... И люди ищут здесь смысла?»

Тема дихотомии насилия и ненасилия прослеживается в образах персонажей произведения Б.В. Савенкова. Вот как описывает автор образ одного из персонажей «Воспоминаний террориста» эсера по прозвищу «Поэт»: «Каляев любил революцию так глубоко и нежно, как любит ее только те, кто отдает за нее жизнь. Но, прирожденный поэт, он любил искусство. Имена Брюсова, Бальмонта, Блока, чуждые тогда революционерам, были для него родными... для него они были революционерами в искусстве. ...К террору он пришел своим особенным, оригинальным путем и видел в нем не только наилучшую форму политической борьбы, но и моральную, быть может, религиозную жертву» [3: 45-46]. Революционер-романтик, Поэт задается вопросом: «Но разве с.-р. Может работать мирно? Ведь с.-р. Без бомбы уже не с.-р. И разве можно говорить о терроре, не участвуя в нем?» [3: 46].

«Молчаливая и скромная и застенчивая Дора жила только одним – своей верой в террор. Любя революцию, мучаясь ее неудачами, признавая необходимость убийства Плеве, она вместе с тем боялась этого убийства. Она не могла примириться с кровью, ей было легче умереть, чем убить. И все же ее неизменная просьба была – дать ей бомбу и позволить быть одним из металлических. Ключ к этой загадке... заключается в том, что она, во-первых, не могла отделить себя от товарищей, взять на свою долю, как ей казалось, наиболее легкое, оставляя им наиболее трудное, и, во-вторых, в том, что она считала своим долгом переступить тот порог, где начинается непосредственное участие в деле: террор для нее, как и для Каляева, окрашивался прежде всею той жертвой, которую приносит террорист. Эта дисгармония между сознанием и чувством глубоко женственной чертой ложилась на ее характер. Вопросы программы ее не интересовали. Быть может, из своей комитетской деятельности она вышла с известной степенью разочарования. Ее дни проходили в молчании, в молчаливом и сосредоточенном переживании той внутренней муки, которой она была полна. Она редко смеялась, и даже при смехе глаза ее оставались строгими и печальными. Террор для нее олицетворял революцию, и весь мир был замкнут в боевой организации. Быть может, смерть Покотилова, ее товарища и друга, положила свою печать на ее и без того опечаленную душу» [3: 48-49].

«Сазонов был молод, здоров и силен. От его искрящихся глаз и румяных щек веяло силой молодой жизни. Вспыльчивый и сердечный, с кротким, любящим сердцем... Он верил в победу и ждал ее. Для него террор тоже, прежде всего, был личной жертвой, подвигом. Он шел на этот подвиг радостно и спокойно, точно не думая о нем, как он не думал о Плеве. Революционер старого, народовольческого, крепкого закала, он не имел ни сомнений, ни колебаний. Смерть Плеве была необходима для России, для революции, для торжества социализма. Перед этой необходимостью бледнели все моральные вопросы на тему о «не убий»» [3: 49].

«Субъективно, конечно, все правы. Правы «красные», правы «белые», правы «зеленые». Поэтому я и назвал повесть не «Федя», а «Конь вороной»: «И вот конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей». Мера, то есть непоколебимые весы. Ибо чаши весов не колеблются оттого, что Жорж, или Вреде, или Федя не ведают, что творят» [4: 11].

Ключевая проблема произведения «О сопротивлении злу силою» И.А. Ильина заключается в ответе на вопрос: «Может ли человек, стремящийся к нравственному совершенству, сопротивляться злу силою и мечом? Может ли человек, верующий в Бога, приемлющий Его мироздание и своё место в мире, не сопротивляться злу мечом и силою? Вот двуединый вопрос, требующий ныне новой постановки и нового разрешения» [5: 34]. И.А. Ильин, отмечая глубину, уточнённую и сложность данного вопроса, пишет, что его упрощение может привести к ложным выводам и теориям. Выступив с резкой критикой толстовской идеи непротivления злу, в данной работе И.А. Ильин пытался обосновать мысль о том, что в определённых случаях, когда все другие способы сопротивления злу исчерпаны, правомерно применение средств внешнего принуждения, в т.ч. смертной казни и военной силы. И.А. Ильин, не возводит вынужденное обращение к силе в ранг добродетели, так как применение насилия всегда остаётся делом неправедным (хотя и не всегда греховным) [Подробнее см.: 6].

Как вести себя при встрече с социальным и моральным злом, какими средствами противодействовать ему — дело нравственного выбора: правильный выбор может сделать только духовно и нравственно здоровая личность.

Список литературы References

1. Эльцбахер П. Сущность анархизма. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001. – 272 с.
Eltzbacher, P. the Essence of anarchism. – Мн.: Harvest, Moscow: AST, 2001. – 272.
2. Толстой Л.Н. Избранные философские произведения / Сост., авт. Вступ. Ст. Н.П. Семькин. – М.: Просвещение, 1992. – 528 с.
Tolstoy L. N. Selected philosophical works / Ed., ed. Introd. St. N. P. Semykin. – М.: Education, 1992. – 528 S.
3. Савинков Б.В. Избранное. М.: Политиздат, 1990. – 432 с.
Savinkov BV Favorites. М.: Politizdat, 1990. – 432 p.
4. В. Ропшин (Б. Савенков) Конь вороной. Репринтное воспроизведение издания 1924 г. - 112 с.
V. Ropshin (B. Savenkov) a black Horse. Reprint reproduction of the edition of 1924 - 112.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 5. Сост и коммент. Ю.Т. Лисицы, 1996. – 608 с.
Ilyin I. A. collected works: in 10 volumes vol. 5. Status and comments. Y. T. Fox, 1996. – 608 p.
6. Резник С.В., Мюльгаупт К.Е. Философско-антропологические смыслы полемики Л.Н. Толстого и И.А. Ильина (онтология силы vs этика ненасилия) // Научные ведомости БелГУ. Серия «Философия. Социология. Право». № 17 (238). Вып. 37. Белгород, 2016. С. 175-179.
Reznik S. V., K. E. Mulhaupt Philosophic-anthropological meanings of the controversy L. N. Tolstoy and Ivan Ilyin (ontology of power vs ethics of non-violence) // Scientific statement BSU. A Series "Philosophy. Sociology. Right." No. 17 (238). Vol. 37. Belgorod, 2016. P. 175 to 179.